

4.03.2004

Львович Борис
и Львович Роман

6

ВЕЧЕРНИЙ КЛУБ
4 марта 2004
с. 6, 7

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

«ЛЮБУЮ ПРОБЛЕМУ
МОЖНО ЗАПИТЬ ПИВОМ С ВОБЛОЙ»

БОРИС И РОМАН ЛЬВОВИЧИ:

БЕЛЫЙ И РЫЖИЙ — ЭТО ПРО НАС

Первоначально предполагалось, что беседа у нас пойдет о юморе. Потому что Борис Львович (второе — это фамилия) профессиональный весельчак, бывший физик, который почти каждый день «травит байки» по телевизору, и автор книги «Актерская курилка», которая читается за один присест, а потом пересказывается друзьям в качестве анекдотов про артистов. Вот, например, про Раневскую: «Заходит как-то к Раневской молодой человек. А она лежит голая на полу и курит. И говорит: «Голубчик, вас не смущает, что я курю «Беломор»?!» Однако про юмор у нас со Львовичем ничего не получилось. А получилось, как это ни странно, про музыку. Причина же в следующем. У Бориса Львовича есть сын, Роман. И Роман, соответственно, молодой композитор. Оркестровая редакция «Норд-Оста», уникальная опера-мюзикл «Хоббит» и популярная в Германии еще одна опера-мюзикл — «Марбургский счет» — про жизнь Ломоносова и Пастернака в Марбурге — вот главные достижения Романа на сегодняшний день. В конце интервью Львович-старший признался: «Вообще-то, я, как режиссер, немножко спланировал нашу беседу. Уж не обессудьте».

Борис Львович:
Давайте начнем не с юмора, а с самого начала. Створчества.

— **Давайте. Тем более, что творчество в вашей семье представлено как бы в квадрате. Как все начиналось?**

Б. Л.: Начиналось все с моих родителей. Папа — кандидат наук, экономист, занимался авиационной промышленностью. А мама до сих пор преподает английский. Отца давно нет, а маме сейчас 80 лет. Атмосфера у нас в семье была, что называется, творческая. Мама всегда пела. А папа совершенно петь не умел. Со слухом у него было неважно, и он подпевал, как глухонемые подпевают — какими-то странными звуками и жестами. Э-э! А-а! (Львович демонстрирует, как поют глухонемые). Но зато он очень хорошо читал стихи. Был такой настоящий домашний «мастер художественного слова». И потом, все эти мои тетки, дядьки — все они были скрипачи, все играли. Это что касается творчества. Хотя, конечно, первый в семье человек, который творчеством начал зарабатывать деньги, — это я.

— **Но вы ведь физик по первой профессии?**

Б. Л.: Помните старый анекдот про Шалыпина? Едет он на извозчике на концерт и напевает в нос, как все вокалисты. А извозчик ему: «Что за барин такой веселый попался — сидит, поет. Ты кем работаешь?». «Я — говорит Шалыпин, — пою». «Так и я пою, — отвечает извозчик. — И каждый, когда выпимши и в настроении хорошо, поет. Ты мне скажи, чем ты на жизнь зарабатываешь?». Вот и родители мои полагали: нормально, когда человек на жизнь физикой или бизнесом зарабатывает, а поет, только когда выпимши. Поэтому я поступил на физфак. Но физикой не занимался совершенно и вместо первой же лекции пошел в клуб на репетицию. Прямо 1 сентября. И все пять лет проболтался там. Диплом, впрочем, защитил. А потом... поступил в Щукинское училище.

— **(К Роману) А вы своего деда, который умел петь, как глухонемые, помните?**

Роман: Деда не помню, он умер, когда мне был год, но творческая атмосфера семьи меня тоже коснулась.

Б. Л.: Рома с малолетства связан с искусством. Потому что его коляска постоянно стояла у меня в театре на репетициях.

— **Веселое, чувствуется, было детство...**

Б. Л.: Да, очень. С 14 лет во мне боролись два начала: лирика и физика. Я не знал, кем быть. Вроде и музыкальную школу закончил к тому времени, но увлекался математикой, химией и немножко физикой. Места на олимпиадах занимал...

— **И когда же произошел крен?**

Б. Л.: Это какая-то явно мистическая история. Я часто ее рассказываю. Когда пошел поступать в физико-математическую школу, которая была главной в Казани, где мы тогда жили, то сдал экзамены с полным триумфом. Из трехсот человек занял второе место и уже должен был по всем статьям быть математиком. Но тут кто-то мне сказал буквально свисте: «Рома, не иди туда, а иди в музучилище на композитора».

— **А до этого что-то сочиняли?**

Б. Л.: Очень скромно и очень несерьезно. Ну, две песенки, два вальсика на три аккорда. Этого мало, чтобы считать себя композитором.

Б. Л.: Со мной в Казанском ТЮЗе работал композитор Борис Трубин. И я ему, конечно, побежал показывать — как же, ребенок два вальса написал и три песни. Он посмотрел и сказал: «Боря, успокойся, композитором он вряд ли когда-нибудь будет».

— **Похоже, Трубин ошибся. А какую роль сыграл папа в том, что сын стал композитором?**

Б. Л.: Страдательную!

Р. Л.: Ну, это не сразу стало ясно. Очень уж путь был тернист. В музыкальное училище, в отличие от математической школы, я поступил с тройками и с большими проблемами, но все-таки поступил. И во время учебы даже бизнес себе какой-то придумал, — два года эксклюзивно поставил термостойкое стекло из Казани в Москву. Ни в чем не нуждался: в кафе дорогие ходил, кроссовки модные имел. Но, тем не менее, всегда в сумке лежала нотная бумага, пернал, карандаш и ластик. И в какой-то момент понял: я — композитор, и никто в этом меня уже не разубедит.

— **Композиция — вещь серьезная. А вот папин пример вас не вдохновил? В смысле, что можно в жизни заниматься и чем-то несерьезным. Дурака валять.**

Б. Л.: Я хочу сказать, что на самом деле Рома в юморе тоже кое-что понимает. И то, чем занимаюсь я, ему удастся вполне. Он лихо пишет капустники. Но музыкант он, конечно, очень серьезный. И вообще, человек — серьезный. Не такой, как его легкомысленный папаша. Я-то смолodu твердо знал, что любую проблему можно запить пивом с воблой, и жизнь станет веселее. А Рома — нет, ему до сути надо докопаться.

— **(Роману): То есть пивом особо не увлекаетесь?**

Р. Л.: Когда ты привык планировать, как в шахматах, на два-три хода вперед, понимаешь: от пива проблемы не исчезнут. Если бы я знал, что это поможет, я бы ящиками пиво пил.

— **Расскажите о ваших знаменитых операх.**

Р. Л.: Тогда тоже надо начать с начала. Когда я рос, все вокруг было плохо — мясо по талонам, гопники во дворе дерутся. А ты приходишь, скажем, в театр, а там — мюзикл Владимира Дашкевича. Вечером приходишь домой, соседи водку пьют, матерятся, а мы — «Обыкновенное чудо» Марка Захарова или «Формулу любви» смотрим. И я понял, что должен делать что-то похожее. А в училище прихожу, — педагоги говорят: «Главное — это додекафония, авангард». Левоу ногой в правое ухо. Считать звуки: в какой пропорциональности звук под номером 33 делится на звук под номером 117. Вот это — современное творчество. Я говорю: ребята, вы с ума сошли? Потом приходишь в какой-нибудь дворец культуры, а там говорят: напиши каких-нибудь три аккорда, умца-умца, тебя рестораны будут петь... Короче, в какой-то момент мы познакомились с композитором Геннадием Гладковым, моим главным кумиром. И он сказал: ходи ко мне домой, будем заниматься.

Б. Л.: Он услышал, как Ромка переложил романс Шебалина на стихи Пушкина «Сквозь волнистые туманы» на два голоса, при том, что он написан для хора из восьмидесяти человек — и прослезился. Говорит: «Никогда бы не подумал, что эта музыка доживет до такого исполнения, я не видел ее со студенческих лет». А я говорю: «Ген, ну что? То, что Рома тебе принес, — как?». А он говорит: «Ты знаешь, я очень высокооплачиваемый композитор, и то, что я бесплатно сижу с твоим Ромой пятый час, говорит

само за себя». То, что Рома потом в Московскую консерваторию поступил – к лучшему педагогу по композиции Роману Леденеву, то, что закончил ее с отличием и сразу был принят в Союз композиторов, и все его другие успехи – и оперы, и спектакль во МХАТе имени Чехова, и телевидение, – все началось с Гладкова.

– (Роману) А почему первую свою оперу вы решили написать про Хоббита?

Р. Л.: В принципе, это подсознательно еще с Гладкова началось. Мы немного дружили с его сыном. И с женой сына, с Женей, и с детьми, и с внуками. И вот когда я приходил к ним домой, видел, как они все светились. С одной стороны, вписанные в современную жизнь, а с другой – типичные фантастические, воздушные существа.

– Типа эльфов?

Р. Л.: Ну, не важно типа кого. Что-то типа гномов. И что-то мне опять сказало свыше: «Рома, пиши оперу-мюзикл по «Хоббиту» Толкиена». Я пошел к брату и взял у него книгу. Причем, работа была совершенно зверская, потому что книга из разряда: «1000 гоблинов налетела на 1000 орков, на которых налетела 1000 лесных эльфов, и кровью залило все поля». Главная моя задача была – придумать любовь и женский персонаж. И я придумал для Бильбо Бэггинса невесту – Тильду. Бильбо – Тильда. Как у Моцарта: Папагено – Папагена в «Волшебной флейте».

Б. Л.: Как человек театра, я скажу, – ни один режиссер не возьмет к постановке вещь, в которой нет женских ролей.

Р. Л.: И еще я использовал такой постсоветский принцип, мне очень близкий: хорошие герои связаны с традиционным симфоническим оркестром. А силы зла – с современной поп-музыкой, роком и электроникой. Гоблины пляшут в стиле техно, пауки поют в стиле рэпа, а дракон – что-то вроде свинга.

– Как вам удалось поставить такую необычную оперу?

Р. Л.: Короче, как всегда со своим идеализмом, я написал вещь полудетскую-полувзрослую, полумузыкальную-полудраматическую, полусерьезную-полуразвлекательную. Естественно, в Москве нет театра, который работал бы с таким нестандартным форматом. Для Большого это слишком современно, «Геликон» тоже сказал, что он современной музыкой не занимается, потому что на ней не сделаешь проекта. А в Питере, оказывается, есть театр «Зазеркалье», которому после пятнадцати минут беседы я подошел.

– Кто ходит на оперу?

Р. Л.: Дети, учителя, родители, тинейджеры с компаниями, взрослые, критики. Говорят, в тот день, когда идет «Хоббит», толпа родителей с детьми перегораживает улицу Рубинштейна. В общем, довольно популярная вышла вещь.

Б. Л.: Когда на премьеру «Хоббита» я увидел кучу детишек, у меня поднялось давление. Я понял – это конец. Сейчас начнутся жвачки, вопли, бумажки через ряды, учителя начнут орать. Но нет, угомонились, и в какой-то момент раскрыли рты. Замечательно поставил этот спектакль худрук «Зазеркалья» Александр Петров! Ну, и музыка, конечно...

– А что за опера «Марбургский счет»?

Р. Л.: Проект мы придумали вместе с женой. Это о жизни Ломоносова и Пастернака в Марбурге. Первое действие – Ломоносов приезжает в Марбург и притирается к коллективу: учится, выпивает, гуляет, хулиганит, читает книги, влюбляется, женится и рождает дочку. И похожая ситуация с Пастернаком. Он тоже приезжает в Марбург, учится, но потом неудачно влюбляется и понимает, что он – поэт, а не философ.

Б. Л.: Роме с женой очень повезло: Лена профессионально занимается организацией российско-германских культурных мероприятий – и у них с Ромой получился мощный тан-

Все Львовичи: Лена (жена сына), Роман (сын), Наталья Владимировна (мама), Дима (внук), Борис (отец).

Чей анекдот смешнее? Юрий Никулин и Борис Львович.

дем. Кстати, когда на премьеру в Марбурге она произнесла десятиминутную речь, то тамошний обербургомистр заметил, что на таком чистом берлинском наречии в Марбурге никто не говорит.

– Не собираетесь показать «Марбургский счет» в Москве?

Р. Л.: Вы знаете, мы уже почти все организовали, но тут все немцы неожиданно перессорились. Режиссер – насмерть – с вокалистами. Хормейстер ждет ребенка. И сейчас мы пытаемся понять, можно ли их примирить. Звоним каждую ночь. Может быть, к концу года наконец соберем их в Москве.

– Два вопроса к папе, можно? Первый – насчет вечеров Визбора.

Б. Л.: Ну, мы уже десять лет 20 июня, в день рождения Юрия Иосифовича, проводим в «России» вечера его памяти.

– Вы знали его лично?

Б. Л.: Да, мы дружили, хотя он гораздо старше меня. Визбор прожил маленькую жизнь – 50 лет. Но очень много всего пережил: был и туристом, и альпинистом, и горнолыжником, и педагогом, и актером, и журналистом. Его бардовская интонация породила целое движение. За ним пошла больше, чем за Высоцким.

Все эти десять лет я, выходя на сцену, не видел перед собой ни одного пустого места. Причем, пол-зала обычно – это мои седобородые ровесники, а пол-зала – ребята, которые роди-

лись уже после того, как Визбора не стало. В этом году ему исполнилось бы семьдесят, и вот уже двадцать лет как его нет. В юбилейный визборовский год мы затеяли даже не один концерт в «России», а целых два, и я уверен, что опять будет биток.

– И второй вопрос: вы сами театральные байки не придумываете? Ваша «Актерская курилка» очень похожа на сборник анекдотов.

Б. Л.: Нет, придумать анекдот невозможно. Надо, чтобы байка ушла в народ, а потом вернулась. Это и будет анекдот. Хотя я, конечно, напридумывал там разных мелочей, «усмешнил» реальные истории. А в предисловии написал: «Это вещь несерьезная, и ее нельзя использовать в качестве искусствоведческого источника». Но все равно используют.

Р. Л.: Я хочу сказать, что есть два вида клоунов. Белый и рыжий. Рыжий выходит на сцену, говорит «Оп-па!» – и все смеются. А белый выходит, серьезный, ставит между ног виолончель и начинает: «Чижик-пыжик, где ты был». В моих операх очень много примеров такого.

– Значит, вы – белый клоун?

Р. Л.: Да, именно.

– А папа?

Р. Л.: А папа – рыжий, хотя от белого у него тоже полно.

Встречалась
Алла АРХАНГЕЛЬСКАЯ

«Львович-джаз» с Борисом Бруновым.

Сцена из оперы «Марбургский счет».